

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА В ДРЕВНОСТИ

Основное положение, которым руководится в своих изысканиях историк-марксист, заключается в том, что совокупность производственных отношений «составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»¹. Товарищ Сталин установил, что «истории известны пять основных типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический»². Учение марксизма-ленинизма о социально-экономических формациях, о пяти основных типах производственных отношений позволяет марксистско-ленинской исторической науке правильно понять и показать движущие силы исторического процесса и подняться, таким образом, неизмеримо выше буржуазной науки.

Древняя история изучает рабовладельческие общества. «Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними—такова картина рабовладельческого строя»³. Эту картину во всей ее конкретности, во всем многообразии ее красок и стремится показать марксистско-ленинская наука в изучении истории древности. Марксизм меньше всего представляет абстрактную схему, как утверждают враги марксизма. «Наше понимание истории есть, главным образом, руководство к изучению, а не рычаг конструкции на манер гегельянства»⁴. Метод диалектического материализма требует от ученого исследователя, чтобы он, не упуская ни на минуту основного, ведущего, определяющего признака той или иной социально-экономической формации, изучал исторический процесс во всех его противоречиях, во всех многообразных неповторимых конкретных условиях. В древности основное классовое деление общества—это деление на рабовладельцев и рабов. Но здесь имеется множество исторически обусловленных форм и градаций, в которых отражается сложность исторического процесса, протекающего в различных условиях места и времени.

Рабство на Востоке, где оно носило в большинстве стран по преимуществу домашний характер, отличается от рабства в классической Греции, а в Греции оно принимало иные формы, чем в Риме. О различии в положении рабов различных категорий в древней Греции говорит уже само различие слов, которыми обозначается раб: *ἀνδράποδον*, *δοῦλος*, *οἰκέτης*, *οἰ-*

¹ К. Маркс, Избранные произведения, т. I, 1937, стр. 269.

² И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1939, стр. 554.

³ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1939, стр. 555.

⁴ Ф. Энгельс, Письмо Конраду Шмидту (К. Маркс, Избр. произв., т. I, стр. 288).

κίητης, δμῶς, παῖς (παιδίσκος, παιδάριον), δρεπτός, δεράπων, σῆμα. Особое положение занимали в Греции государственные рабы; иеродулы по социальному положению и роли в производстве отличались от рабов частновладельческих. А в Греции, кроме того, были еще прикрепленные к земле порабощенные илоты, пенесты, клароты и т. п.

Насколько позволяют дошедшие до нас источники, советские историки много уделяли и уделяют внимания изучению рабства в древности, его роли в производстве, в общественной жизни, его отражения во всех сферах политической деятельности и духовной культуры. Особенно много сделано для изучения восстаний рабов, тех массовых революционных движений, которые привели в конце концов к ликвидации рабовладельческого строя общества. Но, хотя работа в этом направлении ведется, многое еще остается сделать. В частности, экономика рабовладельческого хозяйства в разных странах древности в разное время еще не подвергалась исследованию, лишь в общих работах по истории древности этот вопрос затрагивается.

Изучение древнего рабства не перестает интересовать советских ученых. Было бы, однако, непозволительным упрощением ограничиться при изучении экономического базиса древних обществ анализом основного антагонизма между рабовладельцами и рабами и только с этой точки зрения исследовать юридические и политические надстройки, гражданскую историю и духовную культуру народов древности. В античной древности мы находим «противоположность между городом и деревней, впоследствии—противоположность между государствами, представляющими городские и сельские интересы, а внутри городов—противоположность между промышленностью и морской торговлей»¹. Необходимо иметь в виду громадную роль, которую играли в древности мелкие свободные и полусвободные земледельцы.

На древнем Востоке крестьяне составляли основную массу трудящегося населения. Рабство здесь в течение тысячелетий не составляло прямым образом основы хозяйства, хотя оно было ведущим, прогрессивным укладом. «Как мелкое крестьянское хозяйство, так и производство самостоятельных мелких ремесленников частью составляют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать наряду с капиталистическим производством. В то же время они представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, когда первоначальное восточное общинное владение уже разложилось, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени»². Рабство развивается на Востоке чрезвычайно медленно. Лишь постепенно, по мере разложения общинного уклада и связанного с этим разложением роста товарных отношений складывается рабовладельческая система, целью которой является производство прибавочной стоимости. Поэтому крестьянство наложило свой отпечаток на все стороны общественной жизни на древнем Востоке. «Старые общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу грубейшей государственной формы, восточной деспотии, от Индии до России. Только там, где они разложились, народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и ближайший экономический прогресс их состоял в увеличении и развитии производства посредством рабского труда»³. «Восточный деспотизм был основан на общинном землевладении»⁴.

¹ Маркс и Энгельс, *Немецкая идеология*, Соч., т. IV, 1933, стр. 13.

² К. Маркс, *Капитал*, т. I, изд. 8-е, 1936 г., стр. 69, прим. 24.

³ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, 1938, стр. 188.

⁴ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, 1938, стр. 385.

Ограниченность рамок натурального производства позволяла общине легко воспроизводить себя; она поэтому была по существу консервативна и задерживала ростки более прогрессивных форм рабовладельческого хозяйства. Однако рост производства и сношения с внешним миром ведут к порождению имущественных различий, к концентрации земельных владений в руках немногих, к разорению общинников, попадающих в кабалу к более богатым односельчанам, к храмам, к царским сановникам. Этот мучительный для крестьян процесс вызывал с их стороны сопротивление, выражавшееся иной раз в революционных действиях. Крестьянскими в основном были революционные движения «Краснобровых» и «Желтых тюрбанов» в Китае, в которые были вовлечены большие массы населения. Революционный переворот, отраженный в Лейденском папирусе (речения Ипувера), показывает, какую громадную силу представляло крестьянство в Египте Среднего царства. В Библии сохранились упоминания о выступлениях ам-гаарец, «народа земли», боровшегося против расхищения общинных земель и концентрации земельной собственности, против притеснения богатыми бедных, против кабального рабства. Социальный протест трудящихся земледельцев, выливавшийся часто в форму мессианских чаяний, нашел свое отражение в бичующих выступлениях пророков VIII—VI вв. Гораздо менее красочный египетский рассказ о «красноречивом крестьянине» свидетельствует о существовании в крестьянской среде Египта настроений протеста против социального неравенства. Вавилонская и египетская религии не только в своей земледельческой обрядности, но и в идеологическом переоформлении культов умирающих и воскресающих богов, в представлениях о загробном воздаянии отражают в значительной мере чаяния, настроения крестьян. С этой точки зрения древневосточные литературные и религиозные памятники еще не исследованы, и здесь можно ожидать интересных результатов.

Есть, таким образом, основания считать, что и на древнем Востоке крестьяне были не только консервативной, но и созидательной силой; они не только держались дедовской старины, но и боролись за лучшую жизнь, создавали революционные традиции и элементы революционной идеологии.

В Греции крестьяне сыграли немалую роль в ликвидации аристократического строя и в установлении рабовладельческой демократии. Они выносили на своих плечах тяжесть военного бремени и больше всех страдали от опустошений, приносимых частыми войнами. Конечно, в крупнейших торговых полисах, какими были Афины или Коринф, значение крестьянства в общественной жизни было сравнительно невелико. Но и в Греции имела место концентрация земельной собственности и разорение мелких крестьян, вынужденных уходить в пиратство или в наемные войска. Старый лозунг $\gamma\eta\varsigma \delta\iota\alpha\delta\alpha\sigma\mu\acute{o}\varsigma$, передел земли, становится снова в порядок дня. Революционные движения крестьян, иногда совместно с рабами, особенно в Пелопоннесе, с III в. становятся важнейшим фактором, определяющим политику эллинских государств. Они были подавлены, но не остались без влияния на позднейшие крестьянские движения уже под властью Рима.

И на эллинистическом Востоке крестьяне боролись против эксплуатации и порабощения. В Египте борьба шла с конца III в. под национальными и религиозными лозунгами; такой же характер носило и восстание Маккавеев в Иудее; но реальными борцами выступали здесь крестьяне во имя реальных интересов крестьянства. Весьма возможно, что социальные идеи равенства в эллинистической философии и некоторые социальные утопии периода эллинизма, имевшие религиозную окраску, находили питательную среду и отчасти даже свой источник в идеях, выдвигавшихся в процессе революционных движений крестьян и рабов.

В Риме, где представлен высший этап рабовладельческого общества и его конечная гибель, земельный вопрос занимал доминирующее место в той борьбе, которая разыгрывалась в течение столетий прежде всего внутри господствующего класса. Ф. Энгельс отмечает: «Из древних историков, которые описывали борьбу, происходившую в недрах Римской республики, только Аппиан говорит нам ясно и выразительно, из-за чего она велась: из-за земельной собственности»¹.

Экспроприация мелких земледельцев была неизбежным результатом роста рабовладения. Крупные земельные хозяйства, основанные на рабском труде, вытесняли мелких земледельцев, старую опору Римской республики, превращая их в люмпен-пролетариев или в колонов, предшественников средневековых крепостных. Это имело громадное значение не только для хозяйства Италии; оно сыграло немалую роль и в политическом перевороте, приведшем к падению республики.

Начиная с Гракхов, земельный вопрос занимает одно из центральных мест в политической жизни Рима. Разоряющиеся крестьяне начинают искать выхода вне легальных форм, предоставляемых республиканской конституцией, они примыкают к революционным выступлениям рабов. В первом и втором Сицилийских восстаниях рабов, в революции Спартака, по свидетельству источников, участвовали «бедняки из числа свободных», «свободные крестьяне с полей»². На этом этапе крестьяне—только попутчики революции рабов. В последние века империи в массовых движениях угнетенных (агонистики, багауды), рабы и колонны действуют более сплоченно и вместе выступают против империи, потерявшей уже право на существование.

В Египте пассивное сопротивление крестьян римскому гнету—*ἀνταρξία*, бегство с земли—перерастает в активные выступления, против которых префекты бессильны. Уже вскоре после Актиума произошло в Фиваиде восстание из-за податей (Страб., XVII, 1, 53), а от Филона мы знаем, что египтяне были под подозрением в революционных замыслах, так как часто восставали (in Фласс., 11). В 152—154 гг. произошло серьезное восстание, стоившее жизни префекту Египта. Постоянную угрозу римской власти в Египте представляли буколы, которые в 172—177 гг. подняли грандиозное восстание.

В крестьянской среде вызревали ростки нового, феодального способа производства. Колонат и сопутствовавший ему позднее патронат (*patronium vicorum*) подрывали изнутри рабовладельческую систему хозяйства и рабовладельческое государство, являясь элементами более прогрессивного способа производства.

На всем протяжении истории древности крестьяне, непосредственные производители, сами трудившиеся на земле, в массе представляли эксплуатируемую группу населения, и их положение непрерывно ухудшалось. По мере роста рабовладельческого хозяйства уровень жизни трудящегося крестьянина снижался до уровня раба. Вместе с тем господство рабского труда, превращая труд в рабское занятие, препятствовало повышению технического уровня сельского хозяйства и не давало, таким образом, крестьянам выхода из нужды в интенсификации земледелия и повышении доходности земли. Аграрный вопрос в древности, будучи, таким образом, производным от системы рабовладельческого хозяйства, не мог быть разрешен в рамках этой системы и был поэтому одним из условий крушения рабовладельческого строя общества. Без вниматель-

¹ Ф. Э н г е л ь с, Людвиг Фейербах (К. М а р к с, Избр. произв., т. I, стр. 353).

² Весь относящийся сюда материал собран в книге А. В. М и ш у л и н а, Спартакосское восстание, М., 1936.

ного изучения истории крестьянства нельзя до конца понять сложный процесс революции рабов и падения Римской империи.

Для правильного понимания социально-экономической сущности древних рабовладельческих обществ необходимо ясное понимание характера земельной собственности в древности. Ошибка буржуазных историков, усматривающих в древности феодализм или капитализм или сочетание того и другого, коренится, между прочим, в том, что они переносят в древность единственную признаваемую ими форму земельной собственности—капиталистическую, да и та изучается ими преимущественно со стороны юридической, а не экономической и исторической. Исследованию форм земельной собственности в древности посвящена работа К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству». Маркс устанавливает для древности в основном три формы собственности—азиатскую, или восточную, античную и германскую, изучая их в диалектической связи и взаимодействии всех сторон производства и основанных на нем производственных отношений. Богатство мыслей и обобщений, основанных на огромном фактическом материале, содержащихся в работе К. Маркса, до сих пор не использовано советскими учеными в достаточной мере в конкретных исследованиях. Между тем именно недостаточное понимание специфического характера земельной собственности в древности приводит некоторых советских ученых к колебаниям и шатаниям в определении социально-экономического характера древневосточных и эллинистических государств. Исследование форм земельной собственности в разных странах древности и изменения этих форм в конкретных исторических условиях—одна из важнейших задач советской историографии.

Наши историки занимались и занимаются историей земельных отношений в древности, социальными движениями, в которых крестьяне играли видную роль. Можно назвать ряд посвященных этим темам работ акад. В. В. Струве¹, акад. А. И. Тюменева², акад. Н. М. Никольского³, Н. А. Машкина⁴, В. И. Авдиева⁵, А. Д. Дмитриева⁶, А. С. Бергера⁷. Но у нас нет пока ни одной специальной монографии, посвященной истории крестьянства и аграрному вопросу в древности, не говоря уже о каком-либо обобщающем труде на эту тему. Вышедший недавно фундаментальный труд акад. Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века» мог бы послужить примером для историков древности. Конечно, исследование Б. Д. Грекова имеет своим объектом крестьянство эпохи феодализма. Но главы, посвященные крестьянству дофеодалного периода и движениям смердов, интересны не только для истории древней Руси, но и для древней истории вообще.

¹ В. В. Струве, Очерки социально-экономической истории древнего Востока. Изв. ГАИМК, М.—Л., 1934; его же, Речения Ипувера, 1935.

² А. И. Тюменев, О значении термина «Каль» в древнешумерском языке. ВДИ, 2 (1946).

³ Н. М. Никольский, Община в Южном Двуречье, ВДИ, 4 (1938); его же, К вопросу о ренте—налоге в древнем Двуречье, ВДИ, 2 (1939); его же, Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье, «Ист. журн.», № 1—2, 1945; его же, Мотивы крестьянского мессианизма в пророчествах VII в. «Ученые записки Инст. ист. РАНИОН», т. VII.

⁴ Н. А. Машкин, Агонистики, или циркумцеллионы, в кодексе Феодосия, ВДИ, 1 (1938); Движение агонистиков, «Историк-Марксист», 1935, № 1.

⁵ В. И. Авдиев, Сельская община и искусственное орошение на Древнем Востоке, «Историк-Марксист», 1934, № 6.

⁶ А. Д. Дмитриев, Движение багаудов, ВДИ, № 3—4 (1940); его же, Буколы, ВДИ, № 4, (1946).

⁷ А. С. Бергер, Социальное движение в древней Спарте.

Отсутствие у нас сводных, обобщающих работ по истории крестьянства в древности приводит к тому, что интересующиеся общими вопросами истории крестьянства и земельных отношений в древности вынуждены обращаться к работе буржуазного социолога М. Вебера, способной только дезориентировать читателя: эта книга не дает конкретной истории хотя бы даже в ее буржуазном понимании; она содержит главным образом абстрактные социологические схемы, в которых факты применяются к вечным, неизменным экономическим категориям, «идеально-типическим понятиям».

История крестьянства в древности, раскрывающая значение этой большой и экономически важной категории непосредственных производителей, их борьбу и социальные чаяния, анализирующая характер земельной собственности и землевладения в древности, обогатит и углубит наши познания о рабовладельческой общественно-экономической формации и о конкретной истории народов древности.

История крестьянства, его борьба против гнета и эксплуатации, полна трагизма, как и история всех трудящихся. «Десятки и сотни раз пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступить, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление. Цепи рабства оставались нетронутыми, либо старые цепи сменялись новыми, столь же тягостными и унижительными. Только в нашей стране удалось угнетенным и задавленным массам трудящихся сбросить с плеч господство помещиков и капиталистов и поставить на его место господство рабочих и крестьян»¹. Только в союзе с революционным пролетариатом трудовое крестьянство, слившее свои интересы с интересами рабочего класса в Великой Октябрьской социалистической революции, освободилось от векового гнета и строит в союзе с рабочим классом новое коммунистическое общество. «Советское крестьянство,—сказал товарищ Сталин,—это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества»². Путь к этому новому крестьянству был длителен и труден. История крестьянства должна раскрыть историю его борьбы за раскрепощение и свободу, за сознательную счастливую жизнь.

¹ Из речи товарища Сталина на II съезде Советов 26 января 1924 г.

² И. С т а л и н, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1939, стр. 512.